

Денис Гербер

Павлиний глаз

Когда вечером в дверь постучали, Юра сразу почувствовал: пришли по его душу. Он отложил смартфон и, сидя на кровати, слушал, как мать, шаркая тапками, идёт открывать.

— Здравствуйте!—раздалось из-за порога.—Простите, что поздно... Меня зовут Олег. Олег Геннадьевич. Я из двенадцатого дома.

— Здравствуйте! Я знаю вас, Олег,—в голосе матери появились тёплые нотки—как всегда при общении с мужчиной её возраста.—Вы работаете в пожарной части.

— Да, правильно. Я хотел поговорить о вашем сыне. Юрий—кажется, так его зовут.

— Что ж, проходите.

Возня в коридоре. Звук закрывающейся двери.

— Что он натворил?—спросила мать.

— Не то чтобы натворил,—протянул гость.— Видите ли, на днях мы купили Виктору кроссовки. Виктор—мой сын.

— Да, я поняла.

— А сегодня выяснилось, что кроссовок нет. Он обменялся с вашим сыном. Сколько Юре сейчас?—Двенадцать.

— А нашему только девять исполнилось. Я не скажу, что ваш Юра как-то обманул Виктора. Но обмен, выразимся так, был неравноценный. Виктор, в силу возраста, согласился. Ну, или Юрий как-то его уговорил, не знаю. Кроссовки четыре тысячи стоили.

Мать вздохнула.

— Я не видела у него новых кроссовок. А на что он их поменял?

— На бабочку,—ответил гость, помедлив.—Обычная какая-то бабочка в банке. У неё к тому же половина крыла оторвана.

— Бабочка...—безразлично повторила мать. Информация её, судя по всему, не удивила. Она громко позвала:—Юра, выйди-ка сюда!

Юра вышел. Олег Геннадьевич, одетый в лёгкую серую куртку и джинсы, стоял у двери и глядел на него сверху. Похоже, гостю было немного неловко.

— Где кроссовки?—строго спросила мать.— Почему я их не видела?

— Я в них не хожу,—соврал Юра.

Уже два дня он выносил кроссовки в рюкзаке и переобувался в подъезде.

— Зачем маленьких обманываешь?

— Я не обманывал. Он сам согласился.

— Тебе, обормоту,—двенадцать. А там мальчишка девятилетний. Девятилетний же?—уточнила она у Олега Геннадьевича. Тот кивнул.—Это для взрослых три года ничто. А в вашем возрасте—небо и земля,—пояснила она сыну.—Тащи сюда кроссовки.

Юра принёс из комнаты рюкзак. Вынул пару белых кроссовок и отдал матери.

— Свободен!—буркнула мать и передала обувь гостю.

Вернувшись в комнату, Юра с ногами забрался на кровать и прислушался к происходящему в коридоре.

— Подобное уже не в первый раз,—жаловалась мать Олегу Геннадьевичу.—Раньше такие фокусы проделывал: поймаёт какого-нибудь мышонка или воробушка и говорит девочкам во дворе, что собирается его убить. Опыты какие-то или что придумает... Девочки плачут, скидываются карманными деньгами, выкупают этого несчастного мышонка... Или воробушка. Через две-три недели—опять... Извините, что нагружаю вас проблемами. Трудно одной им заниматься.

— Да ничего,—как-то виновато пробормотал Олег Геннадьевич.

— Вы не подумайте, он не садист какой. И этих мышат ни за что бы не убил. Но вот изображает из себя живодёра, чтоб деньги из малышни вытягивать. Теперь вот—бабочка.

— Не переживайте. Это всё возраст. А насчёт бабочки... Можно, я завтра днём её принесу? Или Виктора отправлю.

Мать ничего не сказала, но Юра безошибочно определил, что она в этот момент махнула рукой: дескать, не стоит.

— Нет, обмен есть обмен,—настоял Олег Геннадьевич.—Пусть всё будет по справедливости.

— И то верно. Приходите. Я завтра днём дома.

Не успела закрыться входная дверь, как мать уже ворвалась в комнату.

— Ты что, совсем эбонитовый?—закричала она.— Опять выделяться начал? Плохо понимаешь?

— Не кричи...—насупившись, пробормотал Юра.— Мы просто поменялись. Я не думал, что он отцу наступит.

— Я тебя самого сейчас настучу! Только и можешь, что мелюзгу облапошить.

— Он сам согласился.

— Сам! Сам! Завтра сам дома сидишь.

— Завтра суббота...

— И без интернета!

Погода на следующий день выдалась на редкость хорошей. Прижавшись щекой к подоконнику, Юра долго глядел через стекло на небо. В вышине, держа дистанцию, плыли аккуратные тучки. Затем прошёл грибной дождь. Между двух полосатых труб ТЭЦ в небо вытянулась радуга — где она заканчивалась, из окна было не разглядеть.

Олег Геннадьевич пришёл к четырёх. Мать пригласила его на кухню — «переговорить за чаем». Юра поднёс к стене большой картонный стакан — единственное, что нашлось в комнате из посуды, — и приложил ухо.

— ...не думал, что так произойдёт, — говорил Олег Геннадьевич. — В общем, бабочку я вам не принёс. Пришёл вернуть кроссовки.

— Почему? — искренне удивилась мать и брякнула ложками.

— Виктор отказывается её отдавать. Его, видите ли, обмен устраивает. Никакие аргументы не убеждают. И что мы четыре тысячи потратили — плевать. Говорю: значит, в рваных и вонючих будешь ходить. И буду! — отвечает.

Некоторое время было тихо. Лишь пустота в стакане ровно шумела Юрию в ухо.

— Вы пейте чай, Олег, — сказала мать. — Конфеты вон берите. Я сама сладкое не очень.

— Простите, что я не совсем трезвый. На работу пришлось зайти — угощали по случаю.

— Да ничего. Я и не заметила.

— Говорю ему: эта обычная бабочка. Такие везде летают. Она сохнет со дня на день. А он, представляете: не со дня на день, а через два месяца. Подготовился, оказывается. В интернете всё перерыл. Говорит, что бабочка называется павлиний глаз, и с латыни ещё что-то переводит — про какого-то речного бога и его дочь Ио. Определил, что его бабочка — самка. Банку ей зеленью облагородил. Кормит, воду подливает.

— Привязался. Все в девять лет такие.

— И я сначала так подумал. Но Виктор объяснил мне: для него не важно, сколько она протянет — день или месяц. Ему важно, что она пока живая — в отличие от кроссовок. Пытался объяснить ему: если животное потомство не оставило, то жизнь его бесцельна. С точки зрения биологии, конечно. — А он?

— Тут самое интересное. Говорит: не важно — оставило, не оставило. Есть и другие законы, помимо наследственности. Этот павлиний глаз возник откуда-то из небытия, и через некоторое время его опять не станет. Но за эти дни или месяцы она капельку своей жизни в океан всего живого добавляет. Живое по своей сути не исчезает и не появляется, оно бесконечно меняет формы. В общем, обладая этой бабочкой, Виктор как бы приобщается к этому процессу. Его задача — обеспечить бабочке достойное существование, а её — увеличить количество радости и благополучия в мире. — Ого! Он всё так и сказал?

— Ну, не такими словами. Передаю как могу.

— Откуда он всё это взял?

— Не знаю. Наверное, сам додумался. Сказал: когда лев пожирает зебру — для неё ничего не заканчивается. И ещё что-то в этом роде. Прямо мистика какая-то. Я слушаю его и поверить не могу, что это мой сын говорит.

— Да, удивляют они нас время от времени. Вы пейте чай.

Скрипнул стул — Олег Геннадьевич поднялся. — Спасибо, но я пойду. Неудобно как-то: явился выпивший... А кроссовки оставляю. Обменялись ребята — ну и хорошо.

— Хотите, я вам четыре тысячи верну?

— Что вы! Ни в коем случае.

В понедельник Юра встретил у магазина Виктора. До этого ему было неудобно показываться перед ним в белых за четыре тысячи кроссовках, но сегодня всё обстояло иначе.

— Наш обмен неравноценный, — заявил Юра.

— Да ничего, — проговорил Виктор.

— Что — ничего? Ты не понял. Обмен неравноценный — значит, ты меня наколол.

— Я?

— Ты. Кроссовки, конечно, четыре «штуки» стоят, но бабочка — живая. Ты должен её вернуть.

— Уже не живая.

— Врёшь.

— Не вру. Сегодня утром проснулся — она мёртвая. Не знаю, чего ей не хватило. Да и не важно.

Около минуты они стояли молча. Люди входили и выходили из магазина. В кусте черёмухи бесновались воробьи. Юра ощутил, как в груди расширяется какой-то тёплый шар. От этого было тоскливо и одновременно радостно.

— Но ведь ничего не кончилось? — спросил он Виктора.

Тот коротко кивнул:

— Ничего.